

*Роб, это тебе, брат.
Сам знаешь почему, черт возьми.*

Глава 1

Шакал думал разбудить девок, чтобы еще с ними покувыркаться, когда через тонкие стены борделя услышал, как его зовет Овес. Сквозь щели в ветхих ставнях пробивался противный свет раннего солнца. Шакал спрыгнул с кровати, смахнув опутавшие его конечности шлюх и остатки винного тумана, что застилал ему рассудок. Новенькая спала как ни в чем не бывало, но Делия недовольно застонала и, приподняв с подушек взъерошенные рыжие локоны, щурилась на него с неприкрытым неодобрением.

— Какого хрена, Шак? — отозвалась она.

Тихонько усмехнувшись, Шакал влез в штаны.

— Миска каши зовет. Здоровенная.

Делия закатила сонные глаза.

— Скажи этому трикрату заткнуться. А сам возвращайся в кровать.

— Я бы так и сделал, если бы мог, милая, — ответил Шакал, усаживаясь на постель, чтобы натянуть ботинки. — Так бы и сделал.

Он встал, едва пальцы Делии принялись ласкать ему спину. Не утруждаясь поисками своего бригаанта, Шакал выхватил ремень из-под разбросанной по полу женской

одежды, надел его и поправил кольчугу. Он чувствовал, что Делия не сводит с него глаз.

— Черт возьми, а ты ничего для полукровки! — заметила она. Сна у нее не осталось ни в одном глазу — его сменил острый голодный взгляд.

Собирая волосы сзади и связывая их кожаным ремешком, Шакал намеренно выгнулся, подыгрывая ей. Затем, подмигнув Делии на прощание, распахнул дверь и спешно покинул комнату.

Тусклый коридор, совершенно пустой, казалось, пытался удержать бледный покой рассвета. Шакал прошел по нему в общую комнату и, не сбавляя шага, обогнул щербатые столы и перевернутые стулья. О ночных гуляньях напоминал лишь кислый запах пролитого вина и пота. Дверь наружу была приоткрыта, и сквозь проем уже проникал яркий свет, предвещаая жаркий день. Шакал выступил навстречу утру, стиснув челюсти и зажмурившись от нахлынувшего солнца.

Овес стоял у колодца посередине двора, и его мускулистая широкая спина блестела от воды. Шакал подошел к нему и встал подле друга.

— Случилось что?

Овес слегка приподнял подбородок и указал лопатообразной бородой на пыльную дорожку, которая вела от борделя. Шакал проследил за его взглядом и увидел, что вдали, приближаясь, мерцали силуэты коней. Приложив руку ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца, он присмотрелся к наездникам и, разглядев их, испытал облечение.

— Это не лошаки.

— Не они, — согласился Овес. — Кавалерия.

Шакал немного расслабился. С людьми-то они могли справиться. А окажись те кентаврами — это значило бы для них верную смерть.

— Игнасио? — проговорил он задумчиво. — Клянись, этот старый рябой пропойца из самой кастили чувствует запах денег, что ему тут заплатят.

Друг ничего не ответил, все еще разглядывая, сдвинув брови, подступающую кавалькаду. Шакал насчитал восьмерых, и у одного было знамя, на котором, без сомнения, красовался герб короля Гиспарты. В Уделье, впрочем, этот развевающийся кусок шелка мало что значил, поэтому Шакал присмотрелся к мужчине, который скакал впереди всех.

— Это Бермудо, — сказал Овес за секунду до того как Шакал сам разглядел капитана в пыли.

— Черт.

Шакал поймал себя на том, что жалеет об оставленном у Делии под кроватью арбалете. А глянув на друга, заметил, что Овес стоит совершенно безоружный, все еще сжимая в массивных руках ведро с водой. С другой стороны, зачастую один вид такого бугая отбивал всякое желание вступать с ним в бой. Как говаривали у них в копыте, у Овса даже в дерьме были мышцы.

Хотя Шакал отнюдь не был недомерком, его друг возвышался над ним на целую голову. Бритый наголо, с пепельного цвета кожей, жилистым телом и торчащими нижними клыками, Овес мог бы сойти за чистокровного орка, если б не татуировки Ублюдка, украшавшие его мощные руки и спину. Полукровку в нем выдавала только борода — ее Шакал от своей человеческой половины не унаследовал.

Когда всадники обступили колодец, Шакал ухмыльнулся. Он хоть и не толстяк, но все же достаточно крупный, чтобы заставить этих человеческих щенков оробеть. Опрятные багровые кушаки, начищенные до блеска шлемы и дерзкие лица выдавали в них новобранцев. Очевидно, усы были в моде при дворах Гиспарты: у всех с верх-

ней губы свисал пух в форме подковы. У всех, кроме Бермудо. С длинным носом и коротко стриженными волосами, он напоминал одного из давно умерших тиранов, которых изображали на старых имперских монетах.

Он не спеша осмотрел двор, задержав взгляд на конюшне, которую Санчо обустроил для гостей.

Шакал приветственно задрал подбородок.

— Бермудо. Вижу, объезжаешь новых ребят. Они что, хотят убедиться, что в пустошах еще можно найти себе щелку?

— Ваших тут сколько, Ублюдков? — Бермудо задал вопрос небрежно, почти лениво, но Шакал заметил его беспокойство.

— Мы здесь не затем, чтобы устроить вам засаду, капитан.

— Это не ответ.

— Разве?

Бермудо обернулся, поймал взгляд одного из всадников и ткнул пальцем в сторону конюшни. Кавалеро замешкался.

— Иди проверь конюшню, — проговорил Бермудо таким тоном, словно наставлял умственно отсталого ребенка.

Юнец встрепенулся и, пришпорив лошадь, двинулся к западной стороне двора. Его компаньоны следили за ним. Шакал же следил за ними. У каждого было короткое копьё и круглый стальной щит, а чешуйчатые рубахи обеспечивали им лучшую защиту. Пятеро сидели в напряжении — было заметно, как нервно они держат натянутые поводья. Но последний, будто томясь от скуки, делано зевнул. Получивший поручение кавалеро спешился, привязал лошадь к столбу и шагнул в конюшню. Мгновение спустя дворовой, работавший у Санчо, неуверенно вышел оттуда на свет. Кавалеро показался следом.

— Три свина и пара мулов в упряжи, — доложил он, вернувшись.

— На упряжи приехали трое шахтеров, — сообщил Бермудо Шакал. — Из Тредрия, по-моему. Они тоже не собираются устраивать вам засаду.

— Не собираются, — сказал Бермудо. — У них разрешение на изыскания в Амфорских горах. Это я знаю, потому что сам им его выписал. А вот у вас такого разрешения нет.

Шакал с благоговением посмотрел на безоблачное небо.

— Овес, разве дом Санчо переместился на Амфоры, пока мы спали?

— Горы что-то совсем просели, — ответил Овес. — Теперь их и не заметишь.

Бермудо было не до шуток.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю.

— Понимаем, — согласился Шакал. — И вы тоже чертовски хорошо знаете, что капитан Игнасио позволил нам здесь находиться.

— Он сам вам это сказал, когда уходил отсюда вчера?

— Игнасио вчера здесь не было, — процедил Овес сквозь зубы.

Это была правда, однако Шакалу не хотелось так просто все выдавать. Капитаны ненавидели друг друга, но это еще не объясняло, почему Бермудо цеплялся за имя Игнасио, словно за наживку. А также не объясняло, зачем он сам прискакал в бордель. Благородный капитан не пользовался девками Санчо и вообще редко оказывался так далеко от кастили.

Шакал подкинул ему наживку посвежее.

— Не смеем вас задерживать, заходите. Вам наверняка не терпится сбросить напряжение.

Бермудо фыркнул.

— Смотрите, люди, — проговорил он, пристально глядя на Шакала и Овса, но в то же время их игнорируя — как умеет делать только человек и только благородного происхождения. — Пара ездовых-полукровок. Из копыта Серых ублюдков. Вы сможете отличить их по отвратительным отметинам на теле. Некоторых можно узнать по нелепым именам. Несмотря на то что у них есть свои уделы, они думают, что им принадлежат все земли, поэтому их можно встретить и там, где их быть не должно. Как в этом заведении, где они нагло пренебрегают тем фактом, что оно расположено на земле Короны. В таких случаях в вашей власти — прогнать их. Хотя зачастую лучше позволить им насытиться и двигаться дальше. Это не пара кобелей, похотливых полуорков ведром воды не прогонишь. Они... рабы своей низменной природы.

Шакал проигнорировал оскорбления. Он посмотрел за спину Бермудо, улыбнувшись кавалеро, выстроившимся за капитаном в ряд.

— Мы правда любим шлюх. Ой, прошу прощения. Мы находим радость в том, чтобы проводить время в склонной к подобным утехам компании. Кажется, так изъясняются у вас на севере. Как бы то ни было, Санчо и его девушки всегда проявляют гостеприимство.

Бермудо скривил рот от отвращения, и тогда заговорил зевающий кавалеро, чьи губы вытянулись в довольную усмешку.

— Я бы никогда не заплатил за женщину, готовую лечь с полуорком.

— Тогда можешь трахнуть свою лошадь, — пророкотал Овес.

У новичка-кавалеро округлились глаза, а Шакал только улыбнулся.

— Он прав. Во всем Уделе ты не найдешь шлюху, которую мы не испортили. И я уверен, они возьмут мо-

нету и у тебя, но не расстраивайся, парень, если они не заметят, когда твой розовый отросточек окажется у них внутри.

Молодой мужчина весь ошетинился. Приглядевшись к нему, Шакал увидел, что его усы не смогли скрыть заячьей губы. Остальные шестеро неуверенно смотрели в затылок Бермудо, ожидая его указаний. Шлем капитана висел у него на седле, и у Бермудо не было копья, но рука сама собой потянулась к рукояти меча.

— Затеешь беду, — проговорил Бермудо, посуровев, — и я протащу тебя за лошадью до твоего удела. И плевать, о чем ты там договорился с Игнасио, будь он проклят.

Шакал сунул большие пальцы за пояс, поближе к своему клинку. Он умел держать позу не хуже капитана.

— Здесь никто не ссорится.

— Если только вы не начнете, — вставил Овес.

Бермудо бегал глазами от Шакала к Овсу и обратно. Действительно ли он думал пролить кровь? Неужели этот самонадеянный засранец был готов рискнуть, устроив бой, лишь бы сохранить лицо перед кучкой вельможных отщепенцев, которые восседали в новых седлах и тешились влажными мечтами о героизме?

Бермудо выпятил челюсть, проглотил свою гордость, но прежде чем он успел принять решение, Заячья Губа подошел к колодцу.

— Эй ты, — обратился он Овсу, указывая копьём. — Наполни-ка корыто.

Шакал презрительно фыркнул, увидев, как по толпе новобранцев прокатилась волна шепота и все взгляды их устремились на дерзкого товарища.

Бермудо смотрел на него с предостережением.

— Кавалеро Гарсия...

Юнец только отмахнулся.

— Все в порядке, капитан. У моего отца на вилле прислуживают полуорки. Их нужно держать в руках, не то станут упрямиться. Эти двое, как видно, забыли о дисциплине. Но этот недостаток смирения быстро устраняется. Все зависит от того, как с ними обращаться. — Он лениво посмотрел на Овса. — Я же велел наполнить корыто. К корыту, полукровка!

Шакал услышал напряженный треск дерева, и у Овса побледнели костяшки пальцев, которыми он сжимал ведро. До кровопролития оставались считанные мгновения.

— Вам нужно приструнить вашего новичка, капитан, — сказал Шакал, и это не было предложением. — Он, наверное, не знает, что способен сделать с человеком разъяренный трикрат.

Надменный вид Бермудо понемногу сходил на нет. Как и Шакал, капитан видел, что дело худо. Но стиснул зубы и оставил неподчинение без внимания.

Черт.

Делать было нечего. Осталось выбрать, чьей именно крови пролиться и в каких количествах.

— Итак, капитан, — проговорил Шакал, — что же этот щегол наделал, чтобы его сюда погнали? В карты проигрался? Или нет, Овес угадал, да? Его застали с лучшим жеребцом его папки. Он скакал на нем без седла. Прямо в конюшне.

Напыщенный кавалеро ударил древком копыя Шакала в лицо. Ударил так небрежно и лениво, что у Шакала было вдоволь времени, чтобы этого избежать, но он позволил удару достичь цели. Боль застила ему глаза, и он отступил на шаг, прижав руку к пульсирующему носу. Услышал, как Овес недовольно пробурчал, но вслепую протянул свободную руку и положил ее другу на плечо, не давая совершить возмездие. Сплюнув, Шакал подождал, пока у него прояснится в голове, прежде чем выпрямить спину.

— Будешь держать язык за зубами, — сказал ему кавалеро Гарсия. — Еще раз заговоришь так дерзко, я тебя высеку во имя короля.

Шакал посмотрел на Бермудо и увидел по его лицу, что тот явно нервничает. Но в то же время в нем читалось удовлетворение.

— Короля? — переспросил Шакал, всасывая последнюю каплю крови с губ. — Овес, а ты знаешь имя короля?

— Какой-то там Первый, — ответил Овес.

Шакал покачал головой.

— Нет, тот умер. Его зовут Какой-то там Жирный.

— Да ну, непохоже, — Овес с сомнением покосился на друга.

— Ах вы дряни грязнокожие! — завопил Гарсия.

Шакал не обратил на него внимания, широко раскинув руки в притворном замешательстве.

— Никак его имя не запомним. В любом случае этот набитый мешок дерьма рожден в кровосмешении, женится на двоюродных сестрах и трахает родных, а мальчики лепят ему пиявок на его крошечный отросток.

В этот раз Шакал поймал копьё Гарсии, когда тот им замахнулся, и с его помощью стащил кавалеро с лошади, дернув так, чтобы тот при падении ударился о крышу колодца. Лошадь с ржанием шарахнулась в сторону. Гарсия шлепнулся в грязь и, пытаясь подняться, забарахтался в бессловесной ярости. Шакал схватил кавалеро за плащ, натянул его юнцу на голову и через пыльную одежду залепил кулаком в лицо. Юнец завалился плашмя.

Лошади с возмущением заартачились, но потрясенные всадники сидели неподвижно. Бермудо заметно побледнел.

Шакал указал рукой на лежащего Гарсию.

— Полагаю, это неплохой урок для ваших девственников, капитан. Согласны?